
УДК 81'34

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КАК ФРАГМЕНТЫ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ

© *Полищук Дарья Сергеевна*

студент, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: belayasiren@inbox.ru

© *Дарбанова Надежда Александровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: ndarbanova@mail.ru

В статье рассматриваются фонетические и морфологические черты речевого портрета носителя говора села Кома Прибайкальского района Республики Бурятия Николая Поликарповича Федотова. Под речевым портретом понимаем совокупность специфических фонетических, грамматических и лексических особенностей речи диалектной языковой личности, которые позволяют ее описать. На фонетическом и морфологическом уровнях зафиксировано наибольшее количество черт севернорусского происхождения: [г]-взрывной, выпадение интервокального [j] и стяжение гласных в окончаниях прилагательных, формах глаголов настоящего времени, твердый [т] в окончаниях глаголов настоящего времени единственного и множественного числа и др. Говор диалектоносителя иллюстрирует старожильский говор, имеющий севернорусскую диалектную основу. В речи Н.П. Федотова представлены некоторые черты говора семейских, южнорусского по происхождению, в частности рефлекс [γ]-фрикативного.

Ключевые слова: речевой портрет диалектоносителя; русские старожильские говоры; говоры семейских (старообрядцев) Забайкалья; фонетические и морфологические черты говора.

Цель статьи — представить фрагменты речевого портрета носителя говора села Кома Прибайкальского района. Под речевым портретом понимаем совокупность специфических фонетических, грамматических и лексических особенностей речи диалектной языковой личности, которые позволяют описать ее. Считаем необходимым показать наиболее существенные черты в целом, яркие особенности языковой личности.

Информантом является житель села Кома Федотов Николай Поликарпович, 1928 г. р., образование — 4 класса, во время Великой Отечественной войны трудился в тылу, в мирное время работал в колхозе, был бригадиром плотницкой бригады в Итанцинском леспромхозе. Ныне пенсионер.

Всего проведено шесть бесед, общая длительность звучания записи — 2 ч. 20 мин.

Анализ полученных результатов позволил выявить фонетические и морфологические черты фрагментов диалектной языковой личности.

Вокализм

1. В речи информанта под ударением различаются пять гласных фонем, что соответствует нормам литературного языка: <a>, <o>, <y>, <э>, <и>: *товáрищ, зовóзня, дúмье, сéяли, пол-лúтра*.

Между мягкими согласными наряду с обычным [а] произносится [э] в слове «опеть»: «А счас **опеть** пришли к полиции» // «Ночь там проваляшься у костра всяко разное, а день **опеть** пахать едешь» // «А зимой на раскряжевке **опеть**».

В суффиксе прошедшего времени глагола «говорили» в форме ед. ч. и мн.ч. и в суффиксе инфинитива на месте ударного и произносится <е>: «Дочери всё **говóрели**» // «Но правда он по-хорошему, **поговóрели**» // «...пошел ли воды **ладить**, то не с кем ни **здороваться** нельзя, ни слова **говóреть**...».

Таким образом, наблюдается расширение сферы употребления фонемы <е>.

В корне *сел-*, в ударной позиции, фонема <э> заменяется на <a>: «На его **верьхомсáяли**» // «Она **сáяла** собака. **Сáяла** и сидит».

2. Наблюдается сильное аканье — неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах при совпадении их в части позиций в звуке [а]: (после) в[а]йны́, к[а]лхóз, сап[а]гí: «После **вайны́** в пийсаты годы жизнь стала налаживаться» // «...в сорок **шастóм** году Усолцев Гриша тут завел кирзовы сапоги» // «Но **калхóз** большой был, хороший». Это тип сильного аканья, когда [о] и [а] совпадают в 1-м предударном слоге всегда в [а].

3. После мягких согласных гласный в первом предударном слоге произносится по модели иканья, т.е. гласные неверхнего подъема не различаются и совпадают в звуке [и]: с т[и]лénком, н[и]вéстки, л[и]жáли: «Но основном одна **коровушка** с **тилénком**...» // «Даже по две **нивéстки** дома бывали».

4. Зафиксированы единичные случаи реализации гласных фонем в некоторых словоформах в разных морфемах:

а) <a> как [ы] в предударном слоге: «...тогда Кабанский **рыйóн** был».

б) <o> как [ы] в заударном слоге: «Колька-то ушел с бурдуковской **девчóнкый!**». Оба примера демонстрируют редукцию гласных.

5. В предударном слоге в отдельных словах происходит делабиализация [у], т.е. произносится <o> на месте <y>: с[о]сéки вместо сусеки: «Там вроде **единолично ...сосéки** были такие».

6. В позиции перед ударением после твердых [ж], [ш] в словах типа *ж[а]на́, пож[а]ни́лись, больш[а]нствó, в ш[а]стóм, ж[а]рдя́ми* системно произносится <a> вместо литературного <ыз>: «В чужой рубахе я **жанíлся** // «...**жардя́ми** загорожена ограда была».

Однако под ударением произношение гласных среднего и нижнего подъема после [ж], [ш] и твердых согласных совпадает с литературной нормой: т[А]вáрищ, ж[э]нци́н: «Ко мне приходит **т[А]вáрищ** мой...».

7. Заударный редуцированный <ь>, стоящий после мягкого согласного, меняется в отдельных словоформах на <y> после губного согласного; звук [м] произносится твердо: *ка́[му]шек*: «Таки **колокольчики, маленьки** были, в их **разрез**, они **красиво** сделаны, заводски, а в их **ка́мушек** лежит».

Консонантизм

1. Звонкая заднеязычная фонема реализуется взрывным звуком [г] в начале слова: «*Дайте уролек **горящий***» // «*Усольцев **Гриша** был такой*» // «*Даже были **года***».

В интервокальном положении произносится [γ]–фрикативный: *бо[γ]áтый, ма[γ]азины, у[γ]олек*: «*А семья их была **боу́тая***» // «*Брат в **магазине** шибко не на че было*».

Отметим, что это явление не системно: наряду с фрикативным [γ] в других словоформах произносится [г] — взрывной: «*...первый отец был **Егор***» // «*В **ногу** ранили*».

2. Сочетание [кт] произносится как [хт]: «***Хто** зажитошно-то жил, покупали-таки*» // «*И вот на эту растань **хто** шибко кашлет, идет и там раза два-три*».

Перед гласными на месте [х] произносится [к] в слове «Пáс[к]а» (это лексикализация): «*Оне на **Пáску**ли че ли с отцом станут, молились*» // «***Пáску**се рамно гуляли*».

3. Зафиксированы случаи отсутствия отдельных согласных фонем и замена фонем в некоторых словоформах:

а) губной [б] в корне слова *баушка*: «*У ей, у **баушки** Марины...*» // «*Но она-то ее называла уже **баушкой***».

Это выпадение носит лексикализованный характер. Оно было унаследовано из материнских говоров [2, с.26].

б) фонема <в> перед переднеязычным зубным [с]: [*с*]пáшешь, [*с*]тáнет, [*с*]ё рамно, [*с*]тавáli: «*Туды пять пацанов уезжали и по неделе жили там, пока не спáшешь*» // «*А он стáет, одёётся...*» // «*А он там сё **рамно** еще нас кормил*» // «*...и на коленки ставáli и все*».

Фонема <в> также отсутствует в частице «вот»: «*Я **от** из колхоза ушел кое-как в пийсят девятом году*» // «***От** у нас, например, в Комы два лисапета после войны только было...*».

в) фонема <т> в словоформах: *есть, ись*, группе звуков [ртк] в слове *куртка*, группе звуков [стк] в слове *мостики*: «*А люди-то **есть***» // «*Видно, рыбой-то пахнет, **ись** хочет*» // «*Из бараньей шерсти **курка***» // «*Тут от где лок-то **есть**, раньше воды много было, **москí** были*».

Иногда <т> заменяется на другие фонемы: на <ч> [ч]и́жола: «*Жизнь шибко **чи́жола** была*» или на <д> [д]ак: «***Дак** а из чего было стряпать?*» // «***Дак** а каво кровь заражена всё*».

г) фонема <т> в неопределенном наречии «где-то»: «*Там **де-то** под забором вытили*».

д) фонема <д> перед переднеязычным небно-зубным [ж] заменяется на <н>: пи[н]жак: «*Перед свадьбой ездил **пинжак** какой-то покупать*».

е) фонема <с> произносится твердо перед гласной в слове «[с]уда»: «***Суда́** жизнь заставила*» // «***Суда́** пришлось приехать*».

4. Долгие фонемы <ж>, <ш> в речи Н.П. твердые, иногда произносятся кратко: *та[ш]утся, об[ш]йй, в об[ш]ем, вооб[ш]е, перета[ш]ыл, ям[ш]ыкí, то-вари[ш]*: «*Но, в **общем**, с каждой бригады по женщине было*» // «*...у каждого*

ямышка свой путь был, ага» // «...одну только пианину успели **вытащить** из клуба».

Твердо произносятся и долгие шипящие: *о[ш:]атинилась, чи[ш:]у, ни[ш:]атá я[ш:]ыки, пи[ш:]ыт* и пр.: «Но за четыре **ты[ш:]и** брали все это, постройку» // «Не дай Бог, чтоб эта **ни[ш:]атá** вернулась».

5. Зафиксирована ассимиляция согласных по назальности в сочетании [вн], изменившимся в результате этого процесса в [мн]: *дерé[мн]я, сё ра[мн]о*: «Как была **деремня** Кома, так и осталась».

Тот же процесс наблюдается в слове *ка[жн]ый*, где [жд] заменилось на [жн]: «Сено косил **кажнй** хозяин».

6. Наблюдается произношение [ры] в некоторых словах типа п[ры]вйк, г[ры]бй: «Потом уж, видно, **прывйк** итаны носить» // «Те года **шибко** много **грыббв** было».

Слово «грыбы» имеется в диалектном «Вершининском словаре», который, как известно, включает в себя лексику одного из сибирских старожильческих говоров.

7. В отдельных словах намечается отсутствие перехода [кы] в [к'и]: *затáл[кы]вали, вытáс[кы]вали* и под.: «Такое помещенье, телеги, например, зимой туда **затáлкывали**» // «А летом опеть, наоборот, телеги **вытáскывали** оттуль, ездили, работали, а сани все там стояли» // «...давай ее **вытáлкывать**».

Расширение сферы употребления твердого [к] характерно для северорусских говоров. [1, с.61].

8. Процесу назализации в речи Н.П. подвергся согласный [н] в предлоге «мимо»: «...**нимо** невестинового дома на тройке пролетели» // «Ой, слава Богу, хоть **нимо** уехали!».

9. Другая фонетическая особенность речи информанта — ненапряженный согласный. «Стоящий после другого согласного, он ослабляется еще больше на конце слова» [1, с.79]. С этим связана утрата смычного элемента в конечном сочетании [ст]: *мос, хвос, сдас*: «А **хвос** у осетра по полу ташылся» // «Макаров был, так это зверь был. Все **сдас**».

Данное явление диалектологи считают «характерной чертой, встречающейся повсеместно в речи всех возрастных групп современных забайкальских говоров» [2, с.16]. Мы видим ее присутствие и в речи представителя одного из диалектов Бурятии.

10. В сочетании –ер– «между согласными перед губными и заднеязычными раньше в русском языке произносился мягкий [р']» [1, с.77]. В литературном языке произошло отвердевание [р]. Однако в некоторых словах в речи говорящего [р'] сохраняется: *ве[р']хóм, квé[р']ху*: «...на его **верьхомсяли**» // «...а **кверьхуто** залезти не может».

11. Говору Н.П. свойственен фонетический эллипсис, что соответствует традиции русской устной разговорной речи: *счас, када, ничо, коо, пийсят, шийсят, сёдня, токо, гыт, грю*: «Она Гошу водила, он **гыт**: «Мне лучше стало прямо» // «Ни у **кооничо** не было» // «Но **када** муж помер, че она там будет делать с четырьмя ребятами?».

Морфологические черты

1. Зафиксированы диалектные падежные окончания у некоторых существительных, принадлежащих к разным разрядам:

а) у конкретного собственного существительного ж.р. 2 скл. «Кома» в П.п. ед. ч. зафиксировано окончание /-ы/, реже /-ый/ на месте литературного /-е/: «*И так в Комы жили*» // *У нас в Комый были пять...четыре бригады были. В Комый*».

б) конкретное существительное ср.р. «ведро» с твердой основой во мн. ч. 1 скл. в литературном языке имеет флексию /-а/, однако в речи Н.П. имеет окончание /-ы/: «*Только лагуны да ведры гремят*».

в) зафиксировано диалектное окончание формы Р.п. конкретных существительных «чулки», «сапоги». Согласно морфологическим нормам литературного языка, в данном падеже эти слова должны иметь нулевую флексию: «... и трое чулков одне однех выше» // «...кирзовых сапогов это в помине не было»;

г) вещественное существительное м.р. *литр* с нулевой флексией (1 скл.) в В.п. ед. ч. имеет в речи Н.П. окончание /-у/: «...литру вина распили».

д) у вещественного существительного «чернила», употребляющегося только в форме мн.ч., выявлена в Р.п. и И.п. флексия /-ы/ (в отличие от нормированных окончаний /-о/и /-а/ соответственно): «*Не книг не было, не бумаги, ни чернилы*» // «*Чернилы...были таки чернильницы — проливашки*».

е) у вещественных существительных «килограммов», «граммов», употребленных информантом в форме мн.ч. Р.п., отсутствует окончание /-ов/ в отличие от литературного языка: «...под сто с лишним килограмм» // «...грамм триста ли двести ли дадут и все».

ж) отвлеченное существительное «работа», согласно литературной норме, имеет форму только ед. ч., но в речи информанта употребляется всегда в форме мн.ч.: «*Я все работы мог работать*» // «*Но мама фактически на таких работах нигде не работала*».

В данном контексте слово «работы», очевидно, употреблено в значении «виды трудовой деятельности». Отсюда и форма мн.ч.

з) отвлеченное существительное «выборы» имеет в И.п. вместо безударного окончания /-ы/ ударное /-а/: «*Выборá там каки-то были*».

и) у собирательного существительного «ребята» в И.п. зафиксировано окончание /-ы/ вместо /-а/: «*Тут ребята все подросли уже, рыбу добывали*».

к) выявлено окончание /-ы/ вместо /-е/ в ф. И.п. у собирательного существительного «крестьяны»: «*Садили крестьяны свой табак*».

О существенных отклонениях от нормированной системы литературного языка в употреблении окончаний существительных сказать нельзя: отмеченное явление касается лишь части словоформ.

2. Многие несклоняемые имена существительные информант склоняет:

а) склоняет топонимы на –о по типу 1 склонения: *Татаурово* –(в) *Татаурову*, *Ключево* — *Ключева*, «...потом увезли свои там в *Татаурову*» // «*Ключева хороша деремня*».

Топонимы на –о изменяются как прилагательные: меняют флексию –о на флексию –ой: *Турунтаево* — (в) *Турунтаевой*, (в) *Ключевой*: «*В Турунтаевой что смотрели, смотрели*» // «*Потом все-таки купили домик в Ключевой*».

б) склоняет заимствованные слова, к примеру, слово «пианино» употребляет в форме множественного числа: кино: «Одну только **пианину** успели вытащить» // «**Кина** были».

3. В ряде форм прилагательных, местоимений и некоторых порядковых числительных обнаружено отсутствие звука на месте /j/ в интервокальном положении, ассимиляция и стяжение в возникающих при этом сочетаниях гласных: *аја, ују, ыје, ије: послéдн[е], холицóв[ы], сердíт[а], всяк[и], рáзн[ы], втор[á], бéл[ы], как[ý]-то, так[á], премиáльн[ы], вíсш[ы], гостепреíмн[а], нормáльн[а], заводск[í], божéственн[ы], глíнян[ы], ведёрн[ы], мнóг[и], рúсск[а], люб[ý], смоляв[а], жéнск[а], зелён[у], желён[ы], кíрзов[ы], послéдн[е], крестья́нск[и], молод[ы], божéственн[ы], небольшо[ы], летуч[а] (мышь), плох[á], трéхлитров[ы], припа́дочн[а], чёрн[а], бравéнн[а], трудов[ы], тяжёл[а], нízк[у], красн[у], хоро́ш[у], длíнн[ы], смёл[а], колхóзн[о]: «Гостеприимна была. **Нормальна** женщина была» // «**Специальны** были бригады» // «Все **высши** школы кончали» // «**Сера больша** собака **така** крупная, ага».*

Такие формы имеют односложные окончания в И.п. и В.п. В ед.ч. ж.р. наблюдается окончание /-а/ в И.п. и окончание /-у/ в В.п.: «...иконка **браинька** валялась» // «Тогда он из коробочки вытаскиват **красну женску** шапочку». В И.п. и В.п. ср.р. — окончание /-о/, /-е/: «Что там, **како** лечение!» / «...все чернилы прольешь все там в сумке все кончишь **последнее**»; во мн.ч. флексии /-ы/, /-и/: «А **специальны** глиняны горники бывали» // «...шли **каки-то** черви **череньки** **маленьки**».

Утрата интервокального йота и стяжение гласных встречается повсеместно в речи деревенских жителей всех возрастных групп, употребляются стяжённые формы параллельно с нестяжёнными.

Нестяжённые формы прилагательных встречаются редко: «Нянька даже, **старшая** сестра» // «Но погода **хорошая** погода была».

4. Зафиксированы случаи произношения [кы] в разных формах прилагательных, реже местоимений на стыке основы с окончанием: *всяк[ы]й, молодёньк[ы]й, ма́леньк[ы]й, семе́йск[ы]й, Каба́нск[ы]й, кíсленьк[ы]й, вы́со́к[ы]й*: «...а Гоша, сын мой, **маленький** был...» // «и щавель рос **кисленький**». Такое произношение характерно для Юго-Западной диалектной зоны, реже встречается в Северо-Западной зоне [4, 2005].

5. Выявлены диалектные особенности в формах местоимений:

а) личное местоимение 3л. мн.ч. *они* имеет в И.п. форму *оне*: «Вот мама-то приехала, и **оне** тут снюхались» // «И вот на свадьбу бежит эта тройка, и **оне** там».

Известно, что «вариантность *оне/они* встречается в восточной зоне севернорусского наречия, отмечается она в сибирских говорах, в том числе в соседних с Забайкальским краем регионах — в русских говорах Бурятии и русских говорах Приамурья» [5, с.95. Цит. по 2, с.287].

В Т.п. местоимение *они* имеет форму «*имя*»: «Вон печка топится, вот к **имя** бежишь» // «...эта мельница **имя** досталась» // «А де **имя** каждый день набежешь, люди?».

В других косвенных падежах личные местоимения третьего лица употребляются информантом с предлогами, не имеющие начального [н']:*– с ей, у ей, к ей,*

на ём, на его, к ему, у его, по ей, от их: «У ей уже четвёро ребят было» // «А у его жена тоже здорово пила» // «..тятя с ём уехал в больницу» // «Да я стыдился с ей лежать».

Употребление личных местоимений 3-го лица в косвенных падежах в предложных конструкциях без начального [н'] отмечают сибирские диалектологи. А. М. Селищев рассматривает этот вариант как «общую черту великорусских говоров Сибири» [Селищев, 1958, с.278. Цит. по 2, с.288]. Э. Д. Эрдынеева характеризует формы без [н'] в предложных конструкциях как норму для русских говоров Бурятии и относит явление к общерусским и просторечным особенностям: «в русских старожильческих говорах Бурятии повсеместно в речи большинства старожилков обычны формы дательного падежа им, имя и творительного падежа имя, с имя» [5, с.61. Цит. по 2, с.289].

б) притяжательное местоимение *их* имеет формы *ихи*, *иха*, т.е. склоняется по принципу склонения указательных местоимений (в ходе бесед встретилось в форме ж.р.): «Она **иха** была, Клочневска эта мельница» // «Пашины **ихи** были».

в) определительное местоимение «саму» в речи Н.П. звучит как «самуё»: «Она сидит, за трубку **самуё** держится и курит».

г) диалектные фонетические особенности портретируемого проявляются и при употреблении вопросительно-относительных местоимений:

И.п. кто, што: «Но **што** еще сказать?»; Р. коо, чего («Ни у **коо**нице не было»); Д. кому, чему; В. коо, что; Т. кем, чем; П. о ком, о чем.

При варианте *што* доминирует «общесибирский вариант *чё* (*чо*)» [2, с.37]: «Но **че**, подрос потом» // «Но там **че**...полок был».

Наблюдается употребление форм местоимения «кто» вместо «что»: «Аково кровь зараженна всё» // «Сейчас-то все есть, **кovo** равнять».

д) выявлена форма указательного местоимения «этот» с протетическим [j]- к *этому* (Д.п), (*с*) *этим* (Т.п.): «Вот эта пашня, это все **к этому** дому подлежит» // «...увели баркас этот **с этим** с осетром».

6. Обнаружены следующие особенности употребления глагола:

а) в литературном языке формы 3л.ед. и мн.ч. глаголов имеют конечный согласный [т] или [т']. Зафиксирован случай употребления модального слова «может», возникшего из глагольной формы *может*, с отсутствием конечного [т]: «Придут там, но как, **може**, бутылку вина возьмешь, человек, **може**, шесть-семь соберется, ага» // «**Може**, мне ее уж больше не надо...» // «...она, **може**, дня два дома побыла и тоже со мной на работу».

В остальных глагольных формах такое явление не встречается.

б) прослеживается тенденция к употреблению глагольных форм 2 и 3 л. ед.ч. и 1 л. мн. ч. с утратой звука на месте /j/ в интервокальном положении и ассимиляцией и стяжением возникших в результате этого соседних гласных. Данному процессу в основном подвергаются глагольные формы с ударным и безударным окончанием в сочетаниях –айе- и –ейе-. Флексию, таким образом, представляет один согласный звук. Примеров в речи Н.П. очень много: *начин[á]т*, *прова[л'á]шься*, *настрян[ъ]т*, *игр[á]т*, *зн[á]т*, *сдел[ъ]шь*, *назыв[á]тся*, *уезж[á]шь*, *дум[ъ]шь*, *стар[á]мся*, *тón[ъ]т*, *забир[á]м*, *вытáскив[ъ]т*, *напин[á]т*, *опозд[á]т*, *проболт[á]м*: «Продукты с собой **забирам**» // А она потом **начинат** его жалеть // Ты девку-то буди, а то на работу-то **опоздат**» // «Но давай хоть

вечер проходим, проболтам» // «Ночь там проваляшься у костра всяко разное» // «Сейчас чуть темнеет — все, на заложку».

в) интересна диалектная форма перцептивного глагола «видеть» — «видать»: «А че, ночь темна, она там поширилась, поглядела — ниче не видать». Отметим, что этот глагол зрительного восприятия, он входит в самую большую группу базовых глаголов «Полного словаря диалектной языковой личности» и употребителен в идиолекте типичного русского старожила Сибири [3, с.16].

г) выявлено диалектное употребление вида некоторых глаголов: несовершенный вид используется в словоформах, где действие достигло своего предела, результата (совершенный вид): «Я и после меня ребенок **умирал** (вместо умер)» // «Я даже одну иконку там **воровал** (вместо своровал).

7. Диалектные явления при использовании числительных:

а) числительное *одни* имеет в И.п. форму *одне*, в Р.п. *одних*: «Но потом **одне** мы, мужики ездили» // «Трое чулков **одне одних** выше».

б) встретилось в речи Н.П. выражение «одно дробину»: «**Одно** дробину не вынули из вены». Числительное «один» в литературном языке склоняется как краткое прилагательное в ед. ч. (в В.п. — «одну дробину»).

8. Часто встречается форма частицы «еще» — «ишо»: «**Ишо** вот день работаешь, например, вот пашешь» // «**Ишо**... тоже случай расскажу».

Итак, на фонетическом и морфологическом уровнях зафиксировано наибольшее количество черт севернорусского происхождения. Говор диалектоносителя иллюстрирует старожильский говор, имеющий севернорусскую диалектную основу. В речи Н.П. Федотова представлены некоторые черты говора семейских, южнорусского по происхождению, в частности рефлекс [γ]-фрикативного.

Литература

1. Русская диалектология / С. В. Бромлей [и др.]; под ред. Л. Л. Касаткина. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 304 с.
2. Игнатович Т. Ю. Восточнозбайкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахронном аспектах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2013. — 48 с.
3. Кузнецова С. С. Базовые глаголы восприятия в речи диалектной языковой личности // Вест. Томского гос. ун-та. — 2014. — № 385. — С.16–23.
4. Юмсунова Т. Б. Язык семейских-старообрядцев Забайкалья. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 288 с.
5. Эрднеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. — Новосибирск : Наука, 1986. — 96 с.

FONETIC AND MORPHOLOGICAL FEATURE AS FRAGMENT
OF SPEECH PORTRAIT OF A DIALECT SPEAKER

Darya S. Polishuk

Student, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Nadezhda A. Darbanova

Associate professor, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article discusses the phonetic and morphological features of the dialect of the speech portrait of a dialect speaker Nicholas Polikarpovich Fedotov — the resident of village Coma of Baikal region of the Republic of Buryatia. Under a portrait of totality we realize specific phonetic, grammatical and lexical features of dialect speech language personality that allows to describe it. On the phonetic and morphological levels recorded the highest number of hell North Russian of origin: [g] explosive, intervocalic [j] fallout and contraction of vowels in endings of adjectives, verb forms, hard consonant [t] in the endings of verbs present tense, singular and plural, etc. Dialect speaker illustrates the starozhil'cheskij dialect, has North Russian where the Foundation. Speech N.P. Fedotova presents some features of the dialect, South Russian in origin, in particular reflexes [ɣ]-fricative.

Keywords: speech Portrait of a Russian dialect speaker, starozhil'cheskie dialects, dialects of old believers of Transbaikal, phonetic and morphological features of the dialect.